

**ДОКТОР С.Ф. ГОРТАЛОВ  
И ЕГО ПАЦИЕНТ ПОСЛА США ДР. ФРЭНСИС**

Посол США Дэвид Роуленд Фрэнсис, находившийся на дипломатическом посту в России с 1916 по 1918 гг., являлся одной из ключевых фигур западной дипломатии в этот переломный для России исторический период. С его именем связаны многие важные события. Одно из них – политический демарш Фрэнсиса, когда он в конце февраля 1918 г. демонстративно, вопреки мнению подавляющего числа представителей дипломатического корпуса, остался в России и выбрал местом своего пребывания Вологду<sup>1</sup>.

Через месяц дипломатическая колония в этом северном провинциальном городе насчитывала уже 11 посольств, представительств и специальных миссий<sup>2</sup>. В своих мемуарах «Россия из американского посольства» Фрэнсис назвал тогдашнюю Вологду «дипломатической столицей России»<sup>3</sup>. С этого момента союзники по Антанте Франция и Великобритания, на какое-то время потерявшие дипломатическую инициативу, вынуждены были следовать в фарватере американской политики в «русском вопросе».

Во время пребывания в Вологде с Фрэнсисом чуть не произошла трагедия, которая могла существенно повлиять на политическую ситуацию в России и отчасти в мире. Речь идет о внезапной болезни посла в апреле 1918 г.

Фрэнсис в свои 67 лет мог похвастаться отменным здоровьем. За два года пребывания на дипломатическом посту в России, несмотря на сырой петроградский климат, столь отличный от континентального климата его родного штата Миссури, он ни разу не болел. И вдруг, 19 апреля, посол почувствовал себя плохо. У него поднялась температура, начались рвота и диарея, сопровождавшийся внутренним кровотечением. Доктора-американца в посольстве не было (в штатном расписании такая единица попросту не была предусмотрена) и в условиях почти полного отсутствия лекарств шансов выздороветь у американского посла было немного. В посольстве забили тревогу, дипломаты обратились к местным властям. И городской голова, меньшевик А.А. Александров, посоветовал пригласить к послу старшего врача Вологодской губернской земской больницы Сергея Федоровича Горталова.

Забегая вперед, скажем: это событие, встреча и знакомство заболевшего американского дипломата и русского врача, стало для обоих «судьбоносным». Фрэнсис после лечения поправился и смог продолжить дипломатическую карьеру, участвуя в принятии важнейших для мировой политики решений (таких, например, как обоснование необходимости интервенции союзников на Севере России). Горталов с утверждением боль-

шевистской диктатуры приобрел клеймо «пособника империалистов», стоившее ему в конце концов жизни.

В случае летального исхода болезни на пост посла претендовал глава миссии Американского Красного Креста в России полковник Раймонд Роббинс, сторонник сближения с большевиками и немедленного признания Вашингтоном большевистского Совнаркома де-факто (а в дальнейшем и де-юре)<sup>4</sup>. При таком раскладе мировая политика вполне могла пойти по иному руслу. Но посол Фрэнсис выздоровел.

Лечение важного пациента проходило при соблюдении жестких инструкций, выданных доктором слуге посла Филиппу Джордану и неукоснительно тем исполнявшимся. Материалы архива Фрэнсиса, хранящиеся в Миссурийском историческом обществе и частично опубликованные нами<sup>5</sup>, позволяют проследить процесс лечения в деталях. Сохранились записи о покупке лекарств, предметов гигиены. В своих письмах сам Фрэнсис и его слуга неоднократно сообщали о течении болезни. «В первый день у меня двадцать раз был стул, на второй и на третий – по десять, но поскольку доктор ограничил меня двумя яйцами всмятку в день, одно вечером и одно утром, частота этих действий уменьшилась», – писал Фрэнсис сыну Пэрри 23 апреля, когда болезнь уже пошла на убыль. Об этом же он упоминал неоднократно и в других посланиях: дескать, «русский доктор морит голодом».

О болезни и ее лечении слуга Джордан много писал жене посла миссис Фрэнсис<sup>6</sup>.

«Сегодня уже неделя, как посол в постели. В постели – это значит, когда мне удастся его там удержать. Я вложу записи, которые у меня есть, из которых видно, сколько раз в сутки он вынужден ходить в туалет, и каждый раз он ходит кровью. Я пригласил самого лучшего доктора в Вологде и через пару дней он поставит посла на ноги, если только сам посол поможет нам в этом. Это самая тяжелая из всех болезней, которыми посол болел за всю свою жизнь. Вот уже четверо суток я не отхожу от него. Я так рад, что в силах делать это, иначе, если бы я за ним не присматривал, он целый день был бы на ногах».

«Из еды ему разрешены только яйца всмятку – одно в 8 часов утра, второе – в 8 часов вечера. Это все, что ему было разрешено есть пять дней, поэтому нетрудно представить, как он похудел. Доктор строго-настрого наказал мне другого ничего не давать. Болезнь эта из-за какого-то внутреннего разрыва, который сейчас начал уже заживать, и любая грубая пища типа мяса или хлеба может снова вызвать кровотечение. Я стараюсь как можно лучше описать Вам эту болезнь. Я спрашивал доктора ее название, чтобы сообщить Вам. Он ответил, что специального названия нет, но он постарается описать ее. Ею может заболеть каждый в любой момент. Я хотел знать причину этой болезни, доктор сказал, что причины могут быть разные. Это может быть из-за плохой воды – но это исключено, т.к. я всегда внимательно слежу за питьевой водой и использую только самую

чистую и лучшую воду. Доктор сказал, это может быть от консервированных фруктов и вообще от любых консервов, но последние полгода мы живем только на американских консервах».

Несомненно, доктор Горталов сразу и точно поставил диагноз: брюшной тиф (за это говорят все описанные в источниках симптомы). Несомненно и причина, которая заставила его скрыть этот диагноз: не хотел пугать ни посла, ни его семью, ни служащих посольства. Тем более что при строгом соблюдении гигиены риска заразиться практически не было. Даже для слуги, ухаживающего за послом.

Слуга Джордан – негр – был малый преданный и честный. Однако явно страдал тщеславием и переоценкой собственной значимости. Неслучайно, другие дипломаты с иронией называли Филиппа «важной персоной»<sup>7</sup>

«В комнате, где живет посол, нет ванной комнаты и до туалета ему идти столько же, сколько от Вашей комнаты до его. Я обзвонил все больницы насчет стула наподобие того, который Вы обычно используете, когда кто-нибудь болен. С тех пор, как заболел посол, я вспоминал о нем тысячи раз. В Вологде нет ничего подобного. Когда я позвонил и описал, что мне нужно, думаю, там решили, что я шучу, так как они засмеялись и сказали, что никогда не слышали о таком. Тогда я купил большое цинковое ведро, вырезал для него сиденье, и когда я первый раз подал его послу, он задал мне такой нагоняй! Он сказал: “Это лучшее приспособление из всех, что были! Что же ты, черт возьми, раньше не додумался смастерить его?”».

«В четверг сиамский посланник сообщил мне, что в 4 часа придет фотограф сделать несколько снимков. Я сказал: “Замечательно”. Он попросил меня подготовить посла. Я ответил, что посол недостаточно хорошо себя чувствует, чтобы выходить из комнаты. Посланник спросил: “Вы считаете, это нарушит предписания доктора?” И я ответил: “Это нарушит предписания не только доктора, но и мои собственные”. Спустя 20 минут посол позвал меня и в присутствии пяти и шести человек сказал, что хочет одеться. Я спросил: “Губернатор, как Вы думаете, миссис Фрэнсис, будь она здесь, разрешила бы Вам подняться?” Он ответил: “Уверен, она не задумалась бы ни на минуту”. Тогда я сказал: “Этим же господам Вы говорили, что миссис Фрэнсис послала меня заботиться о Вас, кроме того буквально перед отъездом я пообещал мистеру Пэрри приложить все усилия, чтобы доставить Вас обратно целым и невредимым, поэтому прошу Вас не вставать сегодня”. Он сказал: “Джентльмены, сегодня никаких фотографий”. Но какой речи мне это стоило!

Когда собирается человек шесть или восемь, каждый предлагает свое лекарство. Посол с удовольствием готов попробовать каждое из них, но он терпеть не может выполнять предписания врачей. Один посоветует поджаренный хлеб, другой – кукурузную кашу. Когда они посоветовали все это, я извинился и сказал, что буду давать послу только то, что говорит доктор и ничего более»<sup>8</sup>.

Через неделю интенсивного лечения голодом Фрэнсис почувствовал себя лучше. «Сегодня доктор сказал, что можно дать немного каши, яйцо и три стакана молока, так что можно сказать, он поправляется. Французский посол и мистер Армор посоветовали ему попробовать гоголь-моголь. Посол обрадовался и сказал: “Да, сделайте мне стаканчик”. Я ответил: “Извините, сэр, но доктор не разрешил”. Он сказал: “Но мистер Армор говорит, это не принесет никакого вреда”. “Да, сэр, но доктор сказал, это не принесет и пользы”. Видите, он охотно послушает мистера Армора, но не доктора.

Доктор говорит, что за всю свою тридцатилетнюю практику он не встречал человека здоровее нашего посла. Посол просил меня передать ему, что он может бегать и прыгать так же, как и 30 лет назад, только что не так долго. Доктор ответил, что в его состоянии с бегом и прыжками пока придется повременить. Сегодня посол спросил доктора, можно ли принять ванну. Доктор ответил: “О, господи, нет!”».

В условиях сильнейшей интоксикации организма единственный выход был в строжайшей диете, и «яичная терапия» сыграла свою роль: Фрэнсис начал поправляться. За дни болезни он сильно похудел и практически вдвое убавил в весе.

Среди экспонатов Музея дипломатического корпуса в Вологде находится подставка для яиц всмятку, выполненная в виде миниатюрного серебряного кубка с ручками по сторонам. На тулове кубка имеется надпись “D.R. Francis”. По словам внучки посла миссис Теолины Фрэнсис из Сент-Луиса, этот предмет был с Фрэнсисом в России. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что сохранился главный артефакт этих событий.

В архиве Миссурийского исторического общества находится еще одно материальное свидетельство лечения посла – парадный фотопортрет доктора Горталова в мундире с орденами, преподнесенный знаменитому пациенту в дарственной надписью: «Господину послу Североамериканских штатов 19/22.IV.18 г. Вологда»<sup>9</sup>.

Там же нам удалось обнаружить и копию благодарственного письма русскому доктору:

«Вологда, 2 мая 1918 г.

Мой дорогой Доктор:

Я спешу уведомить о получении вашей фотографии и выразить за нее самую искреннюю благодарность. Сходство хорошее, и я буду хранить ее как один из высокоценных сувениров моего пребывания в России, в особенности в Вологде. К сожалению, я не могу прочесть сопровождающую фотографию надпись. Но попрошу ее перевести и также сохранию. Брошюру, которую Вы любезно послали мне, я также сберегу и передам в пользование одному из моих друзей-врачей в Америке, который, без сомнения, прочтет ее с жадностью и пользой.

Я буду рад послать Вам мою фотографию перед отъездом из Вологды, и я только жду появления солнечного света, чтобы сделать фото “Американский посол за работой в Вологде”»<sup>10</sup>.

Был ли сделан этот ответный подарок доктору Горталову, доподлинно не известно. Доктор получил за лечение посла гонорар в размере 500 руб., сумма равная месячному окладу председателя Губернского исполкома, но советскую купюру выпуска 1918 г. не истратил, а сохранил в качестве сувенира. Кстати, уже к концу года из-за инфляции она практически потеряла свою стоимость и действительно превратилась в сувенир.

В 1918 г. Горталов и подумать не мог, что эти знаки благодарности со временем обернуться для него уликами в уголовном деле. Точно так же фотографии дипломатов в Вологде, сделанные местным фотографом В. Гончаруком, через 10 лет станут уликами для обвинения того в связях с представителями Антанты.

В благодарственном письме посол Фрэнсис пригласил своего спасителя посещать традиционные пятчасовые чаепития, которые он регулярно устраивал в парадных залах особняка, предоставленного ему для размещения посольства в Вологде. И доктор воспользовался этим любезным приглашением.

Сведения об этом сохранились в архиве Управления ФСБ по Вологодской области среди материалов, касающихся как пребывания дипломатов в Вологде, так и жителей, общавшихся с ними. Одним из них и был доктор Сергей Федорович Горталов, заподозренный и обвиненный в контрреволюционной деятельности.

Горталов арестовывался советскими органами госбезопасности трижды.

В конце 1918 г. после отъезда посольств из Вологды он был арестован, но вскоре отпущен. Видимо, чекисты учли положение и заслуги старшего врача и заведующего терапевтическим отделением губернской больницы, которому половина губернии была обязана здоровьем, а многие и жизнью. До 1926 г. Горталов продолжал работать в больнице в прежней должности.

В марте 1931 г. доктор, которому исполнилось 69 лет, был арестован как «валютодержатель». При обыске у него нашли «золотые монеты царской чеканки», которые предписано было сдавать государству в обмен на советские «твердые» червонцы. Тогда же он был трижды допрошен на предмет своей лояльности к Советской власти и своего общения в 1918 г. с дипломатами стран Антанты. Горталов, видимо, пребывал в уверенности, что за «дела давно минувших дней» ему ничего угрожать не может. И подробно рассказал, что помнил, о посещении американского и других посольств, сообщил факты своей биографии и, наконец, поделился с оперуполномоченным полпредства ОГПУ по Северному краю А. Чуксиным своими принципиальными политическими расхождениями с Советской властью.

Следователя особенно интересовал круг знакомств Горталова, прежде всего лица, «не вполне советские». То ли под давлением, то ли за обещанное освобождение, то ли по собственной наивности, но доктор подробно рассказал о своих знакомых, представителях вологодской интеллигенции, которые в силу каких-то обстоятельств не были согласны с политикой Советской власти. В показаниях записано о его лояльности к власти, о его понимании бесполезности борьбы за ее свержение и его стремлении служить народу на поприще медицины. Видимо, этого оказалось достаточно, чтобы было принято решение о его освобождении. Тогда Горталов и мысли не мог допустить, что, подписывая протоколы, он своей рукой подписал себе смертный приговор.

В третий раз 75-летний доктор был арестован в 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной группе врачей. В декабре на основании его собственных показаний шестилетней давности «тройка» при Управлении НКВД по Вологодской области приговорила его к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение сразу же. Начальником Вологодского УНКВД и председателем «тройки» с сентября 1937 г. был известный своей жестокостью «ежовец» С.Г. Жупахин. В декабре 1938 г., уже при Л.П. Берии, он был арестован и расстрелян как «враг народа».

Трагический, страшный парадокс истории: те самые показания 1931 г., на основании которых было составлено обвинительное заключение, стали теперь уникальным историческим источником для изучения как пребывания посольств стран Антанты в Вологде в 1918 г., так и восприятия Советской власти старой русской интеллигенцией в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Они содержат самые разные сведения по этим комплексам вопросов, в том числе и биографические сведения об упоминаемых лицах. Включая биографию самого доктора Горталова.

Сергей Федорович Горталов родился 1862 г. в Грязовце, уездном городе Вологодской губернии, в семье мелкого помещика, имевшего 250 десятин земли в Грязовецком уезде. В семье было шестеро детей. На долю второго сына Сергея досталась небольшая усадьба, сто десятин земли и два дома в Вологде.

Он учился в Вологодской гимназии, увлекался классической литературой, особенно любил произведения Гоголя. По окончании гимназии в 1883 г. поступил в Казанский университет на медицинский факультет. Через год перевелся в столицу и окончил Военно-медицинскую академию. В армии он не служил, а сразу же по окончании учебы вернулся в Вологду и с 1888 г. работал ординатором в губернской земской больнице. В 1891 г. был назначен заведующим терапевтическим отделением, с 1899 по 1926 г. состоял в должности старшего врача больницы.

В 1914 г. в Вологде широко отмечался 25-летний юбилей врачебной, научной и административной деятельности доктора Горталова. В честь

него был выпущен юбилейный сборник. Именно эту книгу доктор весной 1918 г. подарил своему знаменитому пациенту послу Фрэнсису. В начале сборника помещен краткий биографический очерк юбиляра, где есть такие строки: «Особенно отрадной чертой в характере С.Ф. является его гуманность, его уважение, пожалуй даже преклонение перед человеческой личностью. Нужда человека всегда находила отзыв в его сердце и порыв спешить ей навстречу. Многие, кому пришлось сталкиваться с С.Ф., сохраняя о нем самое лучшее воспоминание на всю свою жизнь...»<sup>11</sup>

О революции и ее последствиях для себя Горталов рассказал на допросе откровенно: «Революция 1917 г. меня встретила в г. Вологде. Февральскую революцию я встретил с большим сомнением и тревогой, хотя голосовал за кадетов, думая, что они что-нибудь да сделают, будут более твердыми и решительными, но они надежд не оправдали, и власть перешла к более сильным и решительным людям, которыми оказались большевики. Октябрьский переворот принял как совершившийся факт. К вопросу о национализации земли и двух домов отнесся с недовольством, а сейчас примирился как с неизбежностью, но мысли о земле и о домах я до сего времени не забыл, но о земле думаю, что раз она отдана крестьянам, ее вернуть невозможно».

Эти показания со слов Горталова были записаны следователем и подтверждены подписью доктора. Не будучи «шибко грамотным», Чуксин «изложил» повествовательную речь доктора с большим количеством вологодских диалектизмов и ошибок разного рода.

Горталов пояснил, почему он оказался в роли лечащего врача посла Фрэнсиса: «Я как врач, имеющий частную практику и пользуясь известной популярностью в Вологде, был рекомендован городским головой А.А. Александровым в Американское посольство, где я лечил посла Фрэнсиса, у которого я бывал неоднократно, получив от него за лечение 500 рублей, которые и хранил до тех пор, что они не имеют никакой цены».

«Кроме того я был один раз приглашен на «файвокле» т.е. на чашку чая, где были все послы: Английский представитель миссии Бо, Французский Ниюланс, Итальянский граф Де-ля-то-ре-то, Сербский – Сполайкович и Японский. На этом вечере имелись суждения о том, что большевики продержатся несколько недель. Кто это говорил, точно не помню, когда было говорено следующее: что якобы их приглашали в Москву, приезжал специально Карл Радэк, одновременно упоминалось и Ярославское восстание, которое не удалось благодаря отсутствию помощи со стороны французов или англичан из Архангельска. Послы ответили Радэку, что они поедут не в Москву, а в Архангельск, говорилось ли это на вечере или в одно из моих посещений, точно не помню. Кроме меня на вечере присутствовали городской голова Александров и еще несколько человек купечества, но кто не помню. После этого все послы из Вологды выехали в Архангельск и я их совершенно потерял из виду». Память подвела Горталова: он

смешал, как минимум, два разных посещения посольства — в начале и ближе к середине июля 1918 г.

После отъезда посольств и окончания Гражданской войны Горталов по-прежнему интересовался политикой: «НЭП я встретил одобрительно и к настоящему времени сомневаюсь в тех темпах, кои взяты партией и Сов. властью к вытеснению частной торговли кооперативной. В могущество кооперативной торговли верю, но более медленными темпами». «Вращаясь среди врачей г. Вологды и других кругов интеллигенции, с которыми при встречах имели суждение на политические и экономические вопросы, выдвигаемые ходом жизни. Некоторые из них мы встречали с недоверием, а некоторые с недовольством, соответствующим образом их критикуя. Например: вопрос об экспорте хлеба за границу я считал неправильным и критиковал, это разделяли со мной вся интеллигенция с которой я говорил. Вопрос раскулачивания я принял как неизбежность, считая это слишком суровой мерой, полагая, что купечество в настоящее время почти не существует, это мероприятие так же критиковалось среди лиц с которыми я встречался, мнение большинства из них сходилось с моим. Обсуждались так же вопросы продовольствия, на данный вопрос остро реагировали, потому что в вопросе продовольствия считали себя обиженными. Большинство моего круга знакомых назвать вполне советскими лицами нельзя, переродиться совершенно весьма трудно».

Как и его окружение, Горталова возмущала политика большевиков по отношению к церкви, в частности закрытие храмов и снятие колоколов. Не поддерживал он и ликвидации кулачества: «К переселению кулачества из Южных округов в Сев. край я отнесся критически и видя лично сам их переживания, побуждало во мне сострадание и я эти действия власти осуждал. Наряду с этим, я как врач, боялся возникновения эпидемий».

На вопрос следователя о процессе по «делу Промпартии» он ответил с обычной своей прямоотой: «К процессу Промпартии отнесся недоверчиво в правдоподобности вскрытых действий и правдивости показания обвиняемых. В интервенцию не верю и не допускаю мысли, чтобы кто либо извне смог свергнуть Сов. власть, как укрепившуюся».

Он откровенно признался и в том, что надеялся на раскол в рядах партии большевиков, на то, что вследствие победы «правых» произойдут «изменения политики в управлении Советской страной в сторону некоторого послабления».

Последняя часть показаний Горталова посвящена его знакомым, вологодским жителям из числа врачей, адвокатов и прочих представителей интеллигенции, недовольных, как и он сам, политикой Советской власти. Названные Горталовым в 1931 г. были арестованы в 1937 г., и по сфабрикованному вологодскому «делу врачей» лучшие представители медицинской интеллигенции города были уничтожены.

Судьба доктора Горталова, спасшего жизнь американскому послу Фрэнсису и тем фактически погубившего себя и своих друзей-медиков,

типична для представителей русской интеллигенции, сформировавшихся до революции, не оказавшихся в эмиграции и не сумевших принять диктатуру большевиков. Гибель представителей этого поколения интеллигенции от рук карательных органов усугубила и без того плачевную ситуацию с культурной прослойкой в советской провинции.

В начале 1960-х гг. Сергей Федорович Горталов был реабилитирован посмертно, а реквизированное имущество доктора было возвращено родственникам.

## Примечания

<sup>1</sup> *Francis D.* Russia from the American Embassy. New York, 1921; *Kennan G.F.* Soviet-American relations, 1917–1920. Vol. II. The Decision to Intervene. Princeton (New Jersey), 1958.

<sup>2</sup> *Быков А., Панов Л.* Дипломатическая столица России. Вологда, 1998.

*Bykov A., Panov L.* Diplomaticheskaya stolitsa Rossii. Vologda, 1998.

<sup>3</sup> *Francis D.* Op. cit. P. 234–260.

<sup>4</sup> *Harper B.* Standing on a Volcano: The Life and Times of David Rowland Francis. St. Louis, 2001. P. 251–310.

<sup>5</sup> *Быков А., Панов Л.* Указ. соч. С. 51–56.

*Bykov A., Panov L.* Op. cit. P. 51–56.

<sup>6</sup> *Быков А.В.* Точка зрения слуги: Письма американского негра о русской революции. Вологда, 2009. С. 45–47.

*Bykov A.V.* Tochka zreniya slugi: Pisma amerikanskogo negra o russkoy revolyutsii. Vologda, 2009. P. 45–47.

<sup>7</sup> *Foglesong D.S.* A Missouri Democrat in Revolutionary Russia: Ambassador David R. Francis and the American Confrontation with Russian Radicalism in 1917 // Gateway Heritage. 1992. Vol. 12, No. 3. P. 22–45; *Harper B.* Op. cit. P. 260–358.

<sup>8</sup> *Быков А.В.* Указ. соч. С. 46–47.

*Bykov A.V.* Op. cit. P. 46–47.

<sup>9</sup> *Быков А., Панов Л.* Указ. соч. С. 52.

*Bykov A., Panov L.* Op. cit. P. 52.

<sup>10</sup> Missouri Historical Society. Box 43.

<sup>11</sup> Юбилейный сборник, посвященный старшему врачу Вологодской губернской земской больницы Сергею Федоровичу Горталову его сослуживцами, сотрудниками и друзьями: По поводу 25-летия его врачебной, научной и административной деятельности в Вологодской губернской земской больнице. Вологда, 1914. С. 3.

Yubileyny sbornik, posvyashchenny starshemu vrachu Vologodskoy gubernskoy zemskoy bolnitsy Sergeyu Fedorovichu Gortalovu ego sosluzhivtsami, sotrudnikami i druz'yami: Po povodu 25-letiya ego vrachebnoy, nauchnoy i administrativnoy deyatel'nosti v Vologodskoy gubernskoy zemskoy bolnitse. Vologda, 1914. P. 3.